

Несиловое регулирование международных конфликтов

Культурно-цивилизационные парадигмы

Андрей Манойло

Несмотря на завершение эпохи глобального противостояния, общее количество политических конфликтов в мире продолжает нарастать. Возникают новые формы конфликтов, мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов политического регулирования. Как справедливо отмечает М. Лебедева, «современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к возрастанию, подключению все большего числа участников, что создает угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем остальным» [Лебедева 1999: 14].

Наряду с обострением традиционных форм и методов политического соперничества в международных отношениях все большее значение приобретает этнический фактор. В современных конфликтах, кото-

рые часто носят характер столкновения цивилизаций, центральной проблемой становится сохранение ценностей и национальной идентичности — на их разрушение и трансформацию как раз и направлена политическая агрессия. Примером может служить Косово, где мы наблюдаем столкновение православной христианской цивилизации, радикальных направлений этнического ислама и агрессивной миссионерской социально-культурной традиции американского протестантизма. Другой пример — этнополитический конфликт в самом центре Европы, во Франции, между коренным населением и общинами иммигрантов из мусульманских стран Северной Африки. Последние принадлежат к иной культурно-цивилизационной традиции, не разделяют многие европейские ценности, принципиально отрицают политику культурной интеграции и, по мере накопления

собственных ресурсов, начинают заявлять о себе как о новой политической силе. Во многом схожая ситуация складывается с этническими общинами в Великобритании, заставляя британское руководство кардинально пересматривать вопрос об открытости своих границ. При этом политический конфликт сам по себе во многом утрачивает черты «конфликта интересов» и трансформируется в «конфликт ценностей», природа которого и способы политического разрешения до сих пор практически не изучены.

Международная деятельность по урегулированию внешнеполитических конфликтов в настоящее время переживает системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами. Как отмечает известный ученый-международник А. Торкунов, сегодня необходимо обновить методологию общественно-научных исследований, создать «новую методологическую парадигму», в которой достойное место должны занять социальная психология и «управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией» [Торкунов 2007]. В этих условиях многократно повышается значимость информационно-психологических технологий в управлении конфликтами как реальной альтернативы силовым методам «принуждения к миру» и «гуманитарным интервенциям».

Можно привести множество примеров успешного использования технологий информационно-психологического воздействия на международные конфликты в целях их стабилизации и разрешения. Однако все они не универсальны и имеют индивидуальные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности, отражающие межцивилизационные

мировоззренческие различия. Эти различия проявляются во внешней политике ведущих мировых акторов: методы, применяемые США и Великобританией, представителями англосаксонской цивилизации, существенно отличаются от методов и технологий воздействия на конфликты государств Восточной Азии, Ближнего Востока и даже континентальных стран-членов Европейского союза. Существующая культурно-цивилизационная дифференциация методов и технологий психологического воздействия обуславливает использование при изучении моделей несилового разрешения современных конфликтов понятийный аппарат, инструменты и методы культурно-цивилизационного подхода.

В современной конфликтологии особое внимание уделяется управлению конфликтным поведением, что предполагает учет культурных и психологических особенностей народов. Выделение этноса и более широкой общности происходит, прежде всего, на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям. Соответственно, и поведение людей определяется их культурно-цивилизационной и национальной, этнической принадлежностью.

Механическое перенесение технологий информационно-психологического воздействия из одной культурно-цивилизационной среды в другую без учета ее особенностей чревато эскалацией конфликта [Тойнби 1995: 184–185]. Ярким примером подобных последствий может служить «карикатурный скандал», разразившийся в 2006 г. и охвативший Данию, Францию и другие европейские страны. Информационно-психологическая акция, связанная с публикацией карикатур на пророка Мухаммеда, вызвала не просто скандал, но культурно-цивилизационную конфронтацию между представителями исламской и европейской

цивилизаций. Чтобы погасить конфликт, потребовались серьезные усилия политических и религиозных деятелей.

Исходя из культурно-цивилизационных критериев, можно выделить четыре основных подхода к использованию технологий информационно-психологического воздействия на современные международные конфликты:

- англосаксонский (представители — США, Великобритания и ряд стран Британского содружества);
- восточноазиатский (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония);
- романо-германский (Германия, Франция, Италия, Скандинавские страны);
- ближневосточный (Иран, Пакистан, Турция, Индонезия, арабский мир).

В основе англосаксонской модели лежит исторически молодая идеология и мировоззрение протестантизма. По сути, все три основные американские идеологические концепции — «экспорт демократии», «силовое умиротворение» и «бархатные революции» — являются переработкой и развитием базовых норм протестантского мировоззрения. Восточноазиатская традиционная модель основывается, главным образом, на мировоззрении и идеологии конфуцианства, а также на учении Лао-Цзы, а романо-германская — на опыте конфликтного сосуществования разных народов в рамках тесной Европы («коммунальная квартира») и культурно-религиозной традиции католицизма с элементами более позднего европейского протестантизма. В основе ближневосточной модели, сформировавшейся в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, лежит исторический опыт расширения ареала и влияния исламского мира.

Наиболее ярко выраженную культурно-цивилизационную специфику имеют док-

трины и концепции психологического воздействия на конфликты представителей *англосаксонской* цивилизации. Сегодня они разрабатывают психологические операции в рамках двух ключевых идеологических концепций — «жесткой силы» и «мягкой силы». Причем эти концепции не дублируют, а дополняют друг друга, отличаясь исключительно скоростью достижения искомого политического результата.

Концепция «жесткой силы», представленная школой неореализма (К. Уолтц, Р. Гилпин, Б. Бузан [Лебедева 2003: 30–31]), основывается на принципе приоритетности «силового умиротворения». Сторонники этой концепции считают морально оправданным превентивное использование вооруженной силы против участников конфликта, если имеются явные признаки того, что конфликт может стать угрозой политической стабильности в регионе и перерасти в гуманитарную катастрофу. Принцип «силового умиротворения» позволяет использовать методы насильственного принуждения и в мирное время, прикрываясь глобальной миротворческой деятельностью. Право на превентивное применение вооруженной силы государствами западного мира, построившими у себя «самые совершенные» на сегодня модели демократического общества, оправдывается тем, что они способны быстрее и лучше оценить угрозы демократии, возникающие в результате зарождения и эскалации новых конфликтов, чем такие традиционные коллегиальные органы и институты, как, например, ООН. Страны же «с неразвитой демократией», входящие в состав этих органов и институтов, по мнению сторонников данной концепции, не способны в силу своего мировоззрения своевременно оценить опасность. При этом правом судить о международной опасности конфликта на-

деляется «мировое общественное мнение» (нередко специально сформированное и ориентированное на определенные реакции) — его оценка конфликтной ситуации считается более значимой и оперативной, чем реакция традиционных международных институтов. Тем самым принижается роль этих институтов, прежде всего ООН, и дискредитируется способность этой организации оперативно реагировать на угрозы международной безопасности. Одна из технологий формирования общественного мнения в рамках концепции «силового умиротворения» — создание образа международного терроризма.

Концепция «мягкой силы», представленная школой нелиберализма [Keohane, Nye 2000: 12–45], опирается на идеологическую установку на «экспорт демократии» и сочетает агрессивную миссионерскую традицию американского протестантизма с технологиями «бархатных революций» («продвижение демократии») — методами внешне ненасильственного изменения конституционного строя в странах-потребителях американской модели развития общества. Эта концепция, в отличие от предыдущей, рассчитана на отложенный результат, поскольку на подготовку и проведение таких психологических операций, как «бархатные революции», нужно время. Эффект от применения технологий «мягкой силы» сохраняется достаточно долго: проамериканские режимы в странах, где победили «бархатные революции», до сих пор находятся у власти и проводят внешнеполитический курс, полностью ориентированный на национальные интересы США.

В отличие от «силового умиротворения», технологии «мягкой силы» призваны обеспечить добровольное подчинение субъектов международного права на основе признания ими чьего-либо абсолютного

превосходства в сферах идеологии, политики, экономики, морали. Причем подчинение должно быть действительно добровольным, что определяет приоритетность использования ненасильственных методов. К таким методам относятся, в первую очередь, технологии информационно-психологического воздействия на сознание, применяемые в современной психологической войне. Один из ярких примеров применения таких технологий — «бархатные революции». Чтобы сделать привлекательным для массового сознания этот явно экспансионистский курс, утверждается почти религиозная миссия по «экспорту демократии», сравнимая с миссией крестовых походов.

Восточноазиатские методы информационно-психологического воздействия на конфликты базируются на традиционных ценностных установках, прежде всего конфуцианства, остающихся, несмотря на все идеологические веяния, основой мировоззрения обществ Восточной Азии. Без учета традиционных ценностей конфуцианской этики, определяющих отношения не только в семье, но и между социумами [Титаренко 1994: 24], трудно воздействовать на сознание представителей этих обществ.

Российские ученые указывают на необычайную стойкость отдельных черт внешнеполитической доктрины Китая, сохраняющихся на протяжении более чем трехтысячелетней истории страны. «Прежде всего здесь имеется в виду традиционность общих принципов, — поясняет А. Бокшанин, — которые легли в основу внешнеполитических связей и некоторых характерных черт китайской дипломатической практики» [Китай: традиции и современность 1976: 129]. Пекин, как правило, не форсирует события, ожидая наступления лучших времен в своих спорах с оппонентами. Китайское руководство стремится сначала «застолбить позицию» (напри-

мер, заявить о притязаниях на ряд островов Южно-Китайского моря), а затем оставить вопрос по спорным территориям открытым на «неопределенное время», как это было в начале 1970-х годов при нормализации отношений с Японией в связи с вопросом о принадлежности островов Сэнкаку. Расчет здесь прост: общая международная обстановка и соотношение сил по прошествии нескольких десятилетий наверняка изменятся, и спор может решиться в пользу Китая и без конфликта. «Отложенные решения» — весьма удобная форма психологического воздействия. Проблема остается нерешенной, ею всегда можно воспользоваться как инструментом давления, в том числе и на переговорах. Современные китайцы отказываются от прежних стереотипов, освобождаются от «комплекса неполноценности». Сторонники возрождения былого величия страны призывают «взять инициативу в свои руки, на равных вести дела с другими великими державами, настаивать на своей позиции в урегулировании международных кризисов» [Бажанов 2007: 340].

В отличие от Восточной Азии, на европейском континенте со времен Вестфальского мира (1648 г.) в основу институционализации социумов был положен принцип этнической идентификации, принцип наций-государств как основных участников международных отношений. Однако после распада империи Карла Великого этническая дифференциация породила множество межнациональных конфликтов, в том числе и мировые войны. После Второй мировой войны процесс этнической и национальной дифференциации не прекратился, в связи с чем возникли новые конфликты, как открытые, например, на Балканах, так и латентные — в Бельгии, Испании, Греции и других странах.

Ведущие континентальные государства Евросоюза, прежде всего Германия

и Франция, а также Бельгия, Испания, Италия, которых условно можно отнести к *романо-германской* цивилизации, в использовании технологий информационно-психологического воздействия на конфликты также придерживаются тактики психологического управления — но с учетом национально-государственной специфики. Западноевропейская модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общности. Для достижения этой цели им предлагают определенный образ данного конфликта и побуждают воспринимать конфликт в соответствии с этим образом, то есть смотреть на него глазами европейцев.

Исламский мир принято считать единой культурно-цивилизационной общностью. На самом деле он представляет собой сложную мозаичную картину. В исламе издавна существует множество религиозно-правовых школ и течений, специфика каждого из которых иногда превалирует над общими принципами и догматами религии. При этом различия в догматике затрагивают не только основы вероучения, но и социальную, культурную, политическую жизнь и экономические отношения.

В географическом и геополитическом отношении «мусульманский мир» распадается на центр и периферию, на территории и страны с арабским и неарабским населением, на регионы, где зарождался и развивался ислам, и на пространства «вторичной исламизации». В ряде стран СНГ ислам неотделим от местных традиций.

Так, в Казахстане суннизм ханафитского мазхаба терпим к инакомыслию, не отвергает местных обычаев, слился с традициями тенгрианства. В то же время ханафитский суннизм ваххабитского толка (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) призывает к жесткой борьбе за «чистоту ислама», его адепты отличаются фанатизмом и экстремизмом в отстаивании догматов веры, в противоборстве с политическими противниками. Практика политической жизни дает множество свидетельств религиозных войн внутри ислама, продолжающихся и в наши дни (например, противоборство суннитов и шиитов в Ираке).

Методы и приемы информационно-психологического воздействия на массы верующих сохраняют общие черты преимущественно в межцивилизационном противостоянии, в идеологическом противоборстве с иной религией, культурой. В то же время внутри исламской уммы происходит не менее ожесточенная борьба школ, направлений за утверждение господствующего воздействия на сознание. В связи с этим методы информационно-психологического воздействия ислама необходимо рассматривать на трех уровнях: цивилизационном, региональном и национальном, что в определенной степени соответствует уровням современных международных конфликтов. На цивилизационном, а, по сути, глобальном уровне ислам выступает как альтернатива западному либерально-демократическому миру: в его доктрине существует свое понимание миропорядка, которое он стремится спроецировать на зоны международных конфликтов. В этом и состоит сущность *ближневосточной модели* психологического разрешения конфликтов.

Таким образом, модели психологического разрешения современных конфлик-

тов представлены как минимум четырьмя культурно-цивилизационными формами, каждая из которых имеет свои, присущие только ей особенности.

Англосаксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон в соответствии с политическими нормами и стандартами представителей этой модели. Восточноазиатская модель предлагает разрешать конфликты путем интеграции, а, фактически, встраивания политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную систему политических отношений (например, по принципу «одна страна — две системы»), в которой постепенно растворяется национальная идентичность более слабых участников международных отношений. Ближневосточная (исламская) модель проецирует исторически сложившиеся в исламе традиционные механизмы регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала и влияния исламского мира. Романо-германская, или западноевропейская модель видит процесс разрешения конфликтов в изменении взглядов участников на сам конфликт.

У России, находящейся на пересечении интересов англосаксонской, восточноазиатской, ближневосточной и западноевропейской политики, есть две возможности сформировать собственное политическое мировоззрение в том, что касается форм и способов разрешения современных конфликтов: либо следовать одной из описанных выше моделей, либо искать свой путь, сочетая в национальной политике сильные стороны всех основных подходов и, по возможности, избегая их недостатков.

примечания

Бажанов Е.П. 2007. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.

Китай: традиции и современность. Сборник статей. 1976. М.

Лебедева М.М. 1999. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс.

Лебедева М.М. 2003. Мировая политика. М.

Титаренко М.А. 1994. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений. М.

Тойнби А.Дж. 1995. Цивилизация перед судом истории. М.

Торкунов А. 2007. Фундаментальность в общественных

науках. Производство новых социально-политических знаний поможет объяснить противоречия русской жизни и найти пути их преодоления // «Независимая газета», 07.12.

Keohane R., Nye D. 2000. Power and Interdependence. World Politics in Transition. New York.

**Институт социологии РАН,
Институт социально-политических исследований РАН,
Российское общество социологов,
Государственный университет - Высшая школа экономики**

проводят 21–24 октября 2008 г. в Москве
Третий Всероссийский социологический конгресс

**«СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»**

Конгресс приурочен к 50-летию Советской социологической ассоциации и 40-летию Института социологии РАН. В качестве его соорганизаторов выступают все социологические ассоциации, общества и союзы, а также ведущие университеты и исследовательские структуры России.

Конгресс посвящен диагностике состояния и проблемам развития российской социологии как науки и учебной дисциплины в контексте европейской и мировой социологии, анализу научно обоснованных путей развития российского общества, характеристике каналов взаимодействия социологии, социологов и общества и др.

Оргвзнос для участников составляет 500 руб., для аспирантов — 200 руб., для студентов — бесплатно. Первое пленарное заседание пройдет 21 октября в Большом актовом зале РАН, все последующие заседания и сессии будут проходить в ГУ-ВШЭ.

С предварительной программой конгресса можно ознакомиться по адресу: http://www.isras.ru/index.php?page_id=680.

Адрес Оргкомитета: 117218, Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, комн. 314. Тел.: (495) 719-09-71, 128-86-01.